

Глава 33. Алая чешуйка у сияющих глаз

— Ничего серьёзного.

— Ясно, — кивнул Цю Бодэн и вдруг спросил: — Разве это не колдовское воплощение? Ты меня обманул?

— Это колдовское воплощение, — ответил Ши Уло, едва коснувшись руки Цю Бодэна, и тут же отстранился. Он взял фарфоровую чашечку с алой пастой и перешёл на другую сторону стола. — Я не лгал.

— Тогда почему ты не говорил несколько дней назад? Притворялся немым?

— Лишь с помощью тайного искусства можно прикрепить сознание создателя к духовной марионетке из дерева Жо, — с некоторой неловкостью объяснил Ши Уло. — В остальном это обычное колдовское воплощение. — Он поставил чашечку на стол. — ...Для нанесения чешуи жизни необходимо присутствие сознания, ты...

Он хотел сказать: «Если тебе неприятно, я больше не буду использовать это тайное искусство на кукле».

Но почему-то слова застряли в горле.

— Нанесение чешуи жизни? — Цю Бодэн окунул палец в чашечку, а затем, повернув его, увидел, как яркая, прозрачная алая капля окрасила подушечку. Мелкие песчинки замерцали и тут же исчезли, оставив кожу снова холодной и белой, без единого следа. — Ты же глава Десяти Шаманов, откуда тебе известны обычаи города Жу?

— Да, — тихо ответил Ши Уло и достал из рукава кисть из чёрного дерева.

Кисть была длиной в один цунь, с древком в пять цуней. Ворс, белый как иней, был ровным и упругим. На древке виднелись древние иероглифы, не принадлежавшие ни одному из языков двенадцати континентов. Ши Уло, налив в крышечку немного дождевой воды, собранной в городе Жу, слегка смочил кончик кисти, а затем, наклонив её, коснулся следа, оставленного пальцем Цю Бодэна. Алый цвет быстро впитался в белый ворс. Когда краска стала густой и насыщенной, он провёл кистью по краю чашечки, оставив несколько тонких алых мазков.

Цю Бодэн молча наблюдал за его действиями, не выказывая никаких эмоций.

Лишь когда Ши Уло, подняв кисть, замер в воздухе, он слегка приподнял голову, подставляя лицо свету.

Прикосновение кисти к уголку глаза было слегка обжигающим. Сначала — словно крошечная искорка коснулась кожи, не причиняя боли, но быстро растворяясь в костях. Затем это ощущение сменилось теплом, будто капля тёплой воды растеклась по коже. Цю Бодэн не видел, как Ши Уло водит кистью, но, будучи сам искусным каллиграфом, мог по движению ворса и силе нажима мысленно воспроизвести каждый штрих.

Мазок — словно вспышка заката, брызнувшая каплей густой крови, тут же растёртая, ставшая лёгкой, как крыло цикады, и постепенно исчезающая, чтобы в конце застыть сухим узором, линией, штрихом.

— Готово.

Рука Ши Уло была тверда, когда он закончил последний штрих чешуйки. Он с облегчением вздохнул и уже собирался отвести руку, как его и без того прозрачная фигура вдруг снова побледнела. Бледная, призрачная рука дрогнула, и кисть, которую он держал, качнулась.

Остатки краски с кисти капнули чуть ниже уголка глаза Цю Бодэна.

Словно алая слеза.

Ши Уло замер, инстинктивно протянув руку, чтобы стереть каплю, но Цю Бодэн остановил его.

— Неплохо, — сказал Цю Бодэн, вынимая меч Тайи и разглядывая своё отражение в его сияющем лезвии. — Даже красиво.

Чешуйка была алой, древней и изысканной.

А случайная капля под глазом, похожая то ли на кровь, то ли на слезу, радостную или печальную, придавала его лицу внезапную, почти зловещую притягательность.

Ши Уло медленно спрятал руку в рукав, сжимая пальцы в кулак.

Цю Бодэн смотрел на лезвие меча Тайи.

— Знаешь, — вдруг улыбнулся он, и его глаза засияли, оживляя и чешуйку, и алую слезу, — раньше, когда мне было больно, я смеялся.

Белая свеча догорела до узелка на фитиле, и пламя, вспыхнув, сначала потускнело, а затем снова ярко взметнулось вверх. Сердце Ши Уло вдруг сжалось от такой боли, что он едва мог поддерживать своё воплощение... Он снова вспомнил тот день, когда, прорвавшись сквозь бушующий огонь на трёх восточных улицах города Фу, он увидел юношу в красном, который, спотыкаясь, поднялся и взмахнул мечом.

Без колебаний, без сомнений.

Словно ему совсем не нравился этот мир, словно он совсем за него не цеплялся.

— Я думал, если смеяться, то не будет больно.

Ши Уло хотел что-то сказать, но не мог. В груди и в горле словно застрял ком. Он не знал, что это, не знал, почему ему вдруг стало так невыносимо больно.

— Потом я понял, что смех — это смех, а боль — это боль.

«Говорить, что всё в порядке, смеяться, чтобы не было больно.

Можно обмануть других, но можно ли обмануть себя?»

Цю Бодэн бросил меч Тайи на стол и откинулся на спинку стула. Его лицо было наполовину в тени, наполовину в свете. Голос его звучал тихо, как глубокое озеро, скованное льдом, и невозможно было разобрать ни радости, ни гнева.

— Возвращайся в свои Южные земли. Не мешайся под ногами.

***

Южные земли — край гор и злых деревьев.

Леса здесь такие густые, что не пропускают солнечный свет, и в их тени всегда прохладно. Древние коричневые стволы деревьев с досковидными корнями, острыми, как мечи, и крепкими, как стены, окружают чёрный базальтовый алтарь. На лианах, обвивающих деревья, цветут тёмно-медные колокольчики, которые от малейшего дуновения ветра тихо и протяжно звенят.

Ши Уло очнулся под звон медных колокольчиков.

Он открыл глаза. Взгляд упёрся в переплетение древесных стволов, в густые, почти чёрные листья.

— Почему ты проснулся раньше времени?

Кто-то рядом выбил из трубки несгоревший пепел, постучав ею о каменный гроб.

Сколько бы Срединные земли и другие континенты ни боялись и ни презирали Южные земли, считая их дикими, от одной вещи они отказаться не могли — от табака. Табачные листья росли только в Южных землях. Даже если торговцам удавалось с невероятным трудом пересадить их в другие места, выращенный табак не имел того самого вкуса южного колдовского дыма.

Когда-то ходил анекдот. Глава клана Чаньюй из Ста кланов написал трактат в несколько тысяч иероглифов, в котором гневно осуждал колдовской дым как «искусство диких народов и колдовские чары», утверждая, что он «отравляет всё на тысячи ли вокруг, и с ним необходимо бороться». Он призывал весь мир бросить курить южный дым и остерегаться южного колдовства. Клан Чаньюй всегда славился своей учёностью, а их глава был человеком огромных знаний. Его слова были убедительны, а речь — пламенна. После выхода его «Оды об отказе от дыма» в Пустом Тутовнике на три месяца почти исчезли все следы южного дыма.

Однажды к главе клана Чаньюй пришёл гость и, восхваляя его, сказал: «Это ваша великая заслуга». Глава клана Чаньюй едва успел сложить руки в приветственном жесте, как из его рукава выплыло облачко дыма.

Гость удивился и, смеясь, спросил: «Господин, отчего же вы прячете колдовской дым?»

Глава клана Чаньюй ответил: «Это не колдовской дым, это облако с заоблачных небес».

После этого случая курильщики Пустого Тутовника снова появились на улицах и в переулках, и курили они ещё больше прежнего. Мало того, они ещё и хвастались друг перед другом, говоря, что курят не южный дым, а «заоблачные облака» из рукава главы клана Чаньюй.

Ши Уло поднялся из гроба, не отвечая.

У каменного гроба, помогая ему совершать тайное искусство, сидел иссохший старик, худой, словно скелет. На нём была короткая рубаха с широкими рукавами, окрашенная воском, а на поясе висела связка серебряных летучих мышей. Видя, что Ши Уло молчит, он продолжал попыхивать своей трубкой. Ши Уло вышел из гроба и, проходя мимо костяка птицы в центре алтаря, снял с него маску и повесил на место. В отличие от тех масок, что вырезали жрицы города Жу, эта была другой.

Маска Ши Уло была вырезана из чёрного дерева и расписана золотым порошком. Глазницы были глубокими и длинными. Когда он повесил её на костяк птицы, казалось, что это маска парящего в небесах ястреба.

— Тебя прогнали? — неожиданно спросил старик за его спиной.

Ши Уло замер.

Старик понял, что угадал, и продолжал невозмутимо курить.

— Он велел мне вернуться в Южные земли.

Ши Уло, держа в руке алый клинок, стоял к нему спиной.

Старик выбил трубку и, посчитав на пальцах, понял, что это уже четвёртый раз за год, когда их Глава Десяти Шаманов заговорил с ними. Нелегко... Неудивительно, что молодые шалопаи в клане боятся его до смерти.

— И всё? — спросил старик.

Если бы только это, он бы не проснулся и, не сказав ни слова, снова не схватился бы за клинок, собираясь идти в Дальние горы рубить змей и истреблять демонов... Если так пойдёт и дальше, молодняку в клане скоро негде будет оттачивать своё мастерство.

— ...

Ши Уло долго молчал, не отвечая.

На алтаре горели факелы. Их свет падал на каменные плиты, выявляя древние, глубокие трещины. Он смотрел на чёрный камень и тёмный огонь, и перед его глазами встала картина: при свете свечи алая чешуйка на уголке глаза Цю Бодэна и... та последняя капля, похожая то ли на алую слезу, то ли на кровь. Оба сравнения Ши Уло не нравились, он не хотел их использовать.

Он лишь хотел стереть эту каплю.

— О, — понял старик, — он рассердился.

— Да.

Может, и не просто рассердился.

В тот последний миг Цю Бодэн словно случайно приоткрыл дверь, но не успел он подойти ближе, как тот с холодной, острой яростью захлопнул её.

Старик вздохнул и, обернувшись, увидел, как Ши Уло крепко сжимает рукоять клинка. По тыльной стороне его бледной руки медленно ползла кровь, впитываясь в ножны.

Он не знал, с кем сражался Ши Уло, прежде чем вернуться в Южные земли.

Даже для племени колдунов Ши Уло был загадкой... Столько лет люди племени привыкли, что

их глава Десяти Шаманов всегда уходит, не сказав ни слова, то в Великую Пустошь, то в Срединные земли. Уходил молча, а возвращался весь в ранах. Но это был первый раз, когда он вернулся с такими тяжёлыми ранениями.

Остальные великие шаманы были в панике. Даже если бы Сто кланов внезапно появились у их порога и начали войну, это не вызвало бы большей тревоги.

Другие суетились и паниковали, а сам тяжелораненый не дал никаких объяснений, бросив лишь одну фразу:

— Откройте алтарь.

— Он велел тебе вернуться, и ты решил остаться в Южных землях? — старик постучал трубкой. На этот раз из неё ничего не выпало. Он достал с пояса связку трав, начал понемногу набивать трубку. — Он не учил тебя... настойчивости?

Старик хотел было сказать «назойливости», но слово на языке повернулось, и он решил, что это будет слишком непочтительно по отношению к тому человеку, и заменил его на более приличное.

— ...

Ши Уло направился к выходу с алтаря.

— Даже если он так сказал, ты не обязан его слушать. К тому же, он лишь велел тебе вернуться в Южные земли, но не запрещал снова пойти к нему, — сказал старик сквозь дым, привыкший, что девять из десяти его фраз остаются без ответа. — Не пойдёшь ты, пойдёт кто-нибудь другой.

Шаги за спиной замерли.

— Точно, — поспешно добавил старик, — ты бы хоть сначала к У Сяню сходил, раны залечил. Если вернёшься к нему в таком виде, смотри, как бы он тебя снова не прогнал.

Шаги направились в сторону горы Линшань. Старик медленно выдохнул дым и вздохнул.

«Ты ничего не знаешь, всему тебя учил он, это правда... но некоторым вещам нельзя ждать, пока тебя научат».

Через некоторое время наверх торопливо взошёл колдун с луком за спиной.

— Старый шаман, письмо из Тайи.

Старик выбил трубку о камень:

— Давай сюда.

***

Чжоу Цзыянь почтительно возложил меч Тайи на Круглый алтарь.

Все малые и большие жертвоприношения города Жу проводились здесь, но по сравнению с ритуалом «Возвращения в воду», проведённым несколько дней назад, нынешняя церемония была несравненно торжественнее. У четырёх врат-колонн стояло по двенадцать жрецов и жриц, каждый со строгим лицом и мечом за спиной. Чжоу Цзыянь установил меч Тайи на высокой платформе, а старейшина Тао Жун, стоя на втором ярусе алтаря, низким голосом скомандовал:

— Начать!

Раздался плеск воды.

За пределами Круглого алтаря, в серебряном озере, которому было несколько миль в ширину, из воды показались тысячи фарфоровых блюдец. В брызгах воды красные свечи в центре блюдец разом вспыхнули, словно на поверхности озера вдруг выросли бесчисленные листья лотоса, на которых расцвели красные цветы. Игра воды и огня в мгновение ока создала формацию, соединяющую небо и землю.

Лоу Цзян, наблюдавший за этим из водного павильона, затаил дыхание.

— Невероятно...

Прошептал он со сложным выражением лица.

Каждое мерцание свечи, каждое изменение водной ряби было элементом формации. Если бы он не видел этого своими глазами, он бы никогда не поверил, что кто-то в этом мире может одновременно рассчитать движение огня и воды и из таких неуловимых, текучих вещей создать настолько безмятежную формацию.

Старейшины не ошиблись.

Чжоу Цзыянь действительно был величайшим гением за всю историю Павильона Гор и Морей.

Если бы он не покинул Павильон, не вернулся в город Жу, не растратил свою жизнь на миллиарды рыб жу, кто угодно мог с уверенностью сказать, что он давно бы уже прославился на весь мир.

Некоторые люди рождаются лишь для того, чтобы вызывать у мира восхищение.

— Чёрт... — пробормотал Цзо Юэшэн. — Что за дела? Почему меч Тайи его не бьёт? Эй, Цю, твой сломанный меч — та ещё сволочь, да?

Цю Бодэн сидел на перилах. Перед лицом такого торжественного и серьёзного события, как небесное жертвоприношение, он согнул одну ногу, поставил на колено блюдо с фруктами и, перебирая их, искал что-нибудь съедобное. Услышав слова Цзо Юэшэна, он, не поднимая головы, ответил:

— Дело в лице.

— В лице? Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты недостаточно красив, — объяснил Цю Бодэн.

— Чушь! — возмутился Цзо Юэшэн. — Когда я был худым, я тоже был изящным и красивым молодым господином!

— Что? — удивился Лу Цзин. — Толстяк Цзо, ты бывал худым?

— ...

Лоу Цзян глубоко вздохнул, в очередной раз убеждаясь, что стоять рядом с этими типами — ошибка.

Он уже собирался отойти от этих наследников великих школ, как услышал, что Е Цан спросил у Цю Бодэна:

— Предок-наставник, как вы думаете, у них получится? Небесное жертвоприношение действительно может разогнать миазмы?

— Может, наверное... — Цю Бодэн задумался. — В «Хрониках Восточного континента» упоминается один случай, но за несколько тысяч лет на Восточном континенте это удалось лишь однажды.

— Раз так, — Е Цан был озадачен, — зачем тогда прилагать столько усилий для

жертвоприношения? Не проще ли дожидаться, пока месяц миазмов пройдёт сам?

Лоу Цзян замер.

Действительно, зачем ждать, пока месяц миазмов пройдёт сам?

Хотя рыбы жу и находились в спячке, пока они были в городе, миазмы не могли проникнуть внутрь. Зачем нужно было прилагать столько усилий для проведения жертвоприношения? И что ещё более странно, почему старейшина Тао согласился на это?

— Старейшина Цю, — Лоу Цзян обернулся, — в тех «Хрониках Восточного континента», что вы читали, как именно описывалось то жертвоприношение?

— На второй ветви Восточного континента был город, называемый Хуай... — Цю Бодэн взял сливу и небрежно ответил.

— Началось, — прервал его монах Буду.

В тот же миг они услышали шум прилива.

Это было озеро, образовавшееся за бесчисленные годы от дождей. Хотя оно было широким, но не слишком глубоким. Город Жу находился в тысячах миль от моря, и морские волны, какими бы бурными они ни были, не могли достичь этого места. Но они отчётливо слышали рёв прилива!

Поверхность озера вскипела. Волны одна за другой бились о стройные ряды фарфоровых блюд. С неба хлынул проливной дождь, водопадом обрушиваясь на землю. С невероятной, устрашающей мощностью он врезался в озеро, а затем снова вздымался со всех сторон. Шум воды в этот миг стал оглушительным, как морской прибой.

— Свечи! Свечи! — закричал Лу Цзин, указывая на озеро. — Смотрите! Они не гаснут!

Действительно, волны были яростными, но свечи в воде не гасли.

Мало того, они горели всё ярче.

— Это старейшина Тао, — тихо сказал Лоу Цзян.

Старейшина Тао стоял на Круглом алтаре, его серая одежда развевалась на ветру. Небо и земля давили на его плечи с безграничной мощностью. Этот старик, который на летающей лодке «Небесный снег» вёл себя как капризный ребёнок, вдруг выпрямился, и в его взгляде

появилась такая решимость, будто он в любой момент готов был с мечом в руках отправиться на осенние поля рубить демонов.

Он один поддерживал всю эту формацию, соединяющую небо и землю.

— О, древний изначальный хаос, разделённый надвое!

— Небо и земля разделились, верх и низ обрели форму.

Небо несёт солнце и луну, земля держит мириады людей.

Тяжёлая земля в миазмах тонет, болезни и мор свирепствуют.

Но вот божественная радуга спускается, в рыбу жу обращаясь.

Свет и тьма сменяют друг друга, город рождается и процветает.

Жрицы и жрецы у врат-колонн склонялись в поклонах и, кружась, пели. Женские голоса были пронзительными, мужские — грубыми.

— Что они поют? — спросил Лу Цзин.

— «Канон Баньшао», — тихо ответил монах Буду. — Это космогония жителей города Жу. Они верят, что в древности мир был в хаосе. Затем небо и земля разделились, оставив на земле мутную ци. Люди, гонимые миазмами, скитались по земле, их горе было невыразимо. Тогда они взмолились к небесам. И небеса послали алую радугу, которая превратилась в божественную рыбу жу.

Божественная рыба жу разогнала миазмы, и люди на том месте, где она обитала, построили город. С тех пор, когда туман рассеивается, они выходят из города трудиться, а когда туман сгущается, отдыхают в городе.

«Канон Баньшао» был коротким, но в нём пелось о разделении неба и земли, о возведении городских стен, о союзе людей и рыб, о бесконечных караванах торговцев.

Песнь во славу лазурного неба, песнь во славу жёлтой земли.

Наконец, Чжоу Цзянь на вершине алтаря трижды поклонился до земли, его голос был высоким и пронзительным:

— Небо, сжался над моим народом! Даруй нам солнце и луну!

Солнце приходит, луна уходит, травы и деревья процветают.

— Небо, сжался над моим народом! Даруй нам [утрачено]!

[утрачено] в порядке, птицы и звери размножаются.

Тысячи свечей поднялись над водой. Свет, преломляясь в каплях воды, рассыпался на миллиарды лучей, которые, переплетаясь, мгновенно окутали весь город, простираясь во все стороны света. В одно мгновение весь город, проливной дождь, текущие по земле ручьи — всё стало частью формации.

У дверей каждого дома в городе Жу стояла фарфоровая чаша с зажжённой красной свечой.

Мужчины, женщины, старики и дети — все разом опустили на колени и трижды поклонились до земли:

— Небо, сжался над моим народом! Даруй нам солнце и луну!

— Небо, сжался над моим народом! Даруй нам [утрачено]!

Голоса сливались воедино, устремляясь к трёхуровневому Круглому алтарю в центре города.

Старейшина Тао, ведомый голосами целого города, волей миллионов людей, пошатнулся, его головной убор разлетелся, волосы растрепались. Яростный ветер проносился сквозь четыре колонны-врата и вместе с водой и огнём устремлялся к центру высокой платформы, словно сотни рек, впадающих в море.

Среди бушующего океана Чжоу Цзянь медленно, с невероятным трудом, словно неся на плечах невыносимую тяжесть, поднялся.

— Даруй нам солнце и луну! Даруй нам [утрачено]!

Он выпрямился и взмахнул рукавами.

Горный ветер и морской шторм.

Поток света и воды, соединявший небо и землю, обратился вспять, устремляясь к старейшине Тао, к монаху Буду, Е Цану, Лоу Цзяну, Лу Цзину, Цзо Юэшэну... и к Цю Бодэну